

Б. Е. ФРОЛОВ

К ИСТОРИИ РЕСТАВРАЦИИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЕКАТЕРИНОДАРСКОЙ КРЕПОСТИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

«В осевших и поросших колючкой валах Екатеринодарской крепости живет последнее воспоминание о Сечи Запорожской», - писал в середине XIX века известный историк Черноморского казачества И.Д. Попко (Попко И.Д., 1858, С. 201). Да, время безжалостно, оно искажает и уничтожает многие творения рук человеческих. Свой отпечаток наложило оно и на оборонительные сооружения Екатеринодарской крепости.

Следует признать, что их быстрому разрушению во многом способствовал материал, из которого она была создана, отношение своих казаков к ее сохранности. Проблема реставрации оборонительного рва и вала остро встала еще в ходе строительства крепости, задолго до полного окончания работ.

Первое упоминание о Екатеринодарской крепости относится к марту 1794 года, когда кошевой атаман З.А. Чепега сообщил Черноморскому войсковому правительству о настоятельной необходимости «к построению в войсковом граде Екатеринодара замка подобающим порядком и в нем куреней сорок....» (ГАКК, ф.250, оп.1, д.5, Л.1).

Нехватка людей, времени и средств затянули строительство крепости на несколько лет. В январе 1797г. войсковой писарь сообщает: «Крепости еще четвертая часть окопом не докончена» (ГАКК. ф.249, оп.1, д.354, Л.5).

По свидетельству историка П.П. Коротенко, крепость возводилась черноморскими казаками без всякого руководства квалифицированными инженерами (КГИЛМЗ, НЛ-170). В ней отсутствовал ряд фортификационных элементов, присущих «правильным» крепостям.

Систему оборонительных сооружений представляли земляной ров, вал и бастионы. В иерархии укреплений она больше всего соответствовала фельдшенцем – земляным полевым укреплениям замкнутого типа. Статус крепости ей придавали размеры и местоположение в войсковой столице.

П.П. Коротенко писал: «Специалисты, осматривающие Екатеринодарскую крепость, признавали, что она построена не по правилам фортификации и потому не могла считаться настоящей крепостью, а скорее представляла собою садовую огорожу, - как выразился инженер-поручик Пирусенко». (КГИАМЗ, НА-170). Черноморцы прекрасно понимали все слабости и недостатки крепости, ее действительный фортификационный статус, а потому зачастую называли ее «окоп». Согласно А.Скальковскому, «окопом» запорожцы именовали простые земляные укрепления (Скальковский А. 1886, Ч. М, С.243). В Черномории это выражение

употреблялось как в приветной, так и официальной переписке (а в разговорной речи, может быть, что и преобладало).

Например, в 1801г. генерал-лейтенант Кареев приказывает построить войско на равнине «между дому подполковника Чепеги и между окопом» (ГАКК, ф.250, оп.2, д.37, Л.13). В 1823 г. Черноморская войсковая канцелярия сообщает, что Екатеринодарская крепость «с самого начала поселения города Екатеринодара была не что иное, как окоп около соборной войсковой церкви и куренных домов» (ГАКК, ф. 261, оп.1, д.141, Л.6).

По всей видимости, при возмещении крепости не были приняты обычные меры предохранения рва и вала от осыпания: укрепление фашинами, дерном, плетнем, корнями степных трав.... Проливные дожди и ветер быстро делали свое дело – вал оплывал, ров засыпался, их линии теряли четкость и крутизну. Уже в октябре 1797 г. атаман Т. Котляровский из далекого Петербурга начал руководить починкой крепости. Он потребовал углубить ров на 70см, а вал возвысить еще на 140см. (ГАКК, ф.249, оп.1, д.360, Т.19). Если предположить, что Котляровский хотел «дотянуть» вал до стандарта более мощных суворовских крепостей, имевших высоту в сажень (Соловьев В.А. 1936, С.77), то первоначальная насыпка вала екатеринодарской крепости представляется просто смехотворным. В ответ на требование атамана Войсковое правительство сообщило, что «починка прежней крепостной канавы» и добавки к ней в глубину и высоту невозможно вследствие наступления зимнего времени. Работу решили выполнить весной.

Однако и весной 1798г. работы в крепости не начались, якобы по причине ненавистной погоды. А 21 июня войсковой есаул – майор А. Тулик доложил Т. Котляровскому: «Крепость рвом укреплять в теперешнее рабочее время никак невозможно и потому более, что народ по селениям по закоренелости называет куренных атаманов присяжными и оказывают противу их власти нередко непослушание» (ГАКК, ф.249, оп. 1, д.370, Л.73).

В планах Котляровского было и укрепление крепости палисадом. В сентябре 1793г. он предписал войсковому есаулу сохранить «за граблею всю дубину, годную для ножен на крепость» (ГАКК, ф.249, оп.1, д.361, Л.58). И этот замысел атамана реализован не был. При атамане Ф.Н. Бурсаке вал и ров поддерживали в относительном порядке арестанты из острога. Тем не менее, по замечанию Войсковой канцелярии укрепление не имело «вида и образованности» крепости (ГАКК. ф.261, оп.1, д.141, Т.6).

В 1807 г. для приведения укрепления Черноморской кордонной линии в надлежащий порядок на Кубань был командирован капитан Винярский. 2 сентября он сообщил атаману Бурсаку: «Как входа крепости Екатеринодарской суть открытые, то я за нужное нахожу сделать при каждом входе траверс....» (ГАКК. ф. 249, оп.1, д.536, Т.21). Вследствие малого количества выделяемых людей, дело шло очень медленно. В одном

из рапортов к Бурсаку капитан Винярский даже грозит сообщить высшему начальству «о безуспешности работ». Итоги деятельности Винярского нам неизвестны. По мнению историка краеведа В.А. Соловьева капитан Вонляровский (?) с отрядом отставных казаков рассчитал оборонительный ров, подсыпал бруствер и насыпал работы типа полубастионов (Соловьев В.А., 1995г. С.25).

Состояние крепостных оборонительных сооружений стало одной из главных забот нового атамана Т.К. Матвеева. По свидетельству Войсковой канцелярии» приведение в лучшее сего окопа» явилось одним из первых его мероприятий. 12 марта 1817 года он рассылает в полки, стоящие на границе, повеление о наряде из каждого 20 человек с двумя артельными фурами «для делания в Екатеринодарской крепости вала» (ГАКК.ф. 249, оп.1, д.727, Л.23). Одновременно Матвеев просит Еникольского коменданта Шлейине прислать в Екатеринодар инженерного офицера, но получает отказ по отсутствию такового в Еникольской крепости. Тогда атаман обращается к Херсонскому военному губернатору графу Ланжерону. В конце апреля Херсонское окружное инженерное правление предписало Еникольской инженерной команде отправить в Екатеринодар инженер-поручика Гарденина.

За это время с большим трудом в несколько этапов, но было собрана казачья команда в количестве 140 человек, поступившая под начало войскового полковника Лысенко. Исходя из поставленной задачи – рытья рва и насыпка вала – инженер-поручик Гарденин сделал расчет о количестве необходимого инструмента. Лопат деревянных требовалось 25, железных –25, резаков дерновых – 25, ножей дерновых – 40, мешков земляных –25, размерного шнурка –75 сажень. (ГАКК.ф.249, оп.1, д.727, Л.45).

Вопрос об отпуске инструмента рассматривала Черноморская войсковая канцелярия. Она сообщила атаману Матвееву, что еще в 1816 году на кордоны отправили немало готовых инструментов, или железо на их изготовление. Весь необходимый инструмент было предписано собрать с кордонов. Это решение отодвинуло начало работ на последние числа мая.

В первые же дни возникла масса, казалось бы, мелких, но существенно влиявших на ход дела, технических и организационных проблем. Быстро ломались как деревянные, так и железные инструменты, а их изготовление растягивалось на невероятно долгое время. В полках собрали мало резаков, прибыли не все фуры. Казаки под всякими предлогами уклонялись от работы. Полковым командирам приходилось их часто менять. С наступлением осеннего времени работа прекратилась в стадии далекой от завершения.

25 апреля коменданту Кавказского инженерного округа было предписано отправить в Екатеринодар нового инженерного офицера (ГАКК.ф.249, оп.1, д.758, Л.43). В его задачу входило составление «прожектов» предполагаемых в крепости работ. Саму же работу он

начинать не мог до утверждения планов и профилей Генеральным инспектором по инженерной части Великим князем Николаем Павловичем. Работы, не относящиеся к военной части, разрешалось производить по предписаниям войскового атамана.

Прибывший в столицу Черномории (11 июня 1818 года) инженер-поручик Барашкин, по приказу атамана, приступил к производству работ и по гражданской архитектуре и по укреплению. Барашкин объяснил это тем, что работы в крепости были начаты еще до его прибытия инженер-поручиком Каруженым (вероятно, Гарденин – Б.Ф.) с разрешения Херсонского военного губернатора и лишь прервались с наступлением зимнего времени.

5 октября 1818 года Барашкин представил инспектору Инженерного корпуса планы о производимых и предполагаемых в Екатеринодаре работах (ГАКК. ф.249, оп.1, д.758, Л.42). В Инженерном департаменте обратили внимание на то, что расположение укреплений Екатеринодарской крепости не соответствуют их назначениям. Но поскольку часть укреплений была уже насыпана, департамент рекомендовал не трогать крепостные куртины, а изменить бастионы и профили.

15 апреля 1819 г. Инженерный департамент направит Барашкину копии планов, с предписанием не начинать постройку укреплений до составления особых чертежей (ГАКК. ф.249, оп.1, д.758, Л.42). Инженер-поручик сообщил об этом решении атаману Матвееву. Учитывая, что куртины было предписано оставить на прежних местах, Барашкин предложил не останавливать работы по насыпке земли.

Дело в том, что пока составлялись планы, пока шла переписка, атаман Матвеев пытался завершить ремонт крепости, начатый еще в 1817г. В марте 1819г. он издает приказ «О наряде людей из неслужащих казаков для окончания работы вала и канавы около Екатеринодарской соборной церкви и куреней» (ГАКК, ф.249, оп.1, д.578, Л.35). В свою очередь, Войсковая канцелярия предписала земским начальствам и сельским полициям прислать в Екатеринодар к 15 апреля людей с подводами, лопатами, топорами и заступами.

Несколько лет спустя Войсковая канцелярия доказывала, что в 1818-1810 годах команда престарелых казаков привела крепость в «совершенный вид как бастионами и брустверью», так и глубоким рвом (ГАКК, ф.261, оп.1, д.141, Л.6). Под «совершенным видом» здесь понимается обычная подчистка рва и засыпка обвалов на бруствере.

План инженер-поручика Барашкина претворен в жизнь так и не был, да и выполнить его войско просто не смогло бы.

Он не учитывал профиль местности и требовал огромных земляных работ. Сам же Барашкин, по какой-то причине, был поспешно выслан из войска. Для наблюдения за начатыми работами граф Ланжерон прислал отставного инженер-поручика Куритовича.

Методы и технология реставрационных работ, проводимых

черноморскими казаками в крепости, не давали ощутимых результатов. Это напоминало обычное латание дыр. Крепость же находилась в состоянии непрерывного разрушения.

В январе 1820 г. в Черноморию был командирован инженер-подполковник Парокья (ГАКК. ф.249, оп.1, д.779, Л.1). Ему предписывалось осмотреть Екатеринодарскую крепость и пограничные укрепления и по весне приступить к их починке. А так как главная причина разрушения казачьих укреплений заключалась в неумении казаков нарезать дерн и облицовывать им, то Парокья должен был подготовить по несколько дерно-кладчиков от каждого полка.

23 августа 1820г. инженер-подполковник представил итоги своего обследования командиру Грузинского инженерного корпуса генерал-майору Хотневу (ГАКК.ф.261, оп.1, д.38, Л.306) Выводы его были крайне неутешительными: «Кордонные укрепления и Катеринодарская крепость суть худо и неправильно выстроены, а именно, ни один фланг не обороняет рва перед фасадами, где имеются бастионы, основания брустверов так малы, что должны были выводить оные чрезмерно круто... Фланги при оной крепости сделаны перпендикулярно к куртинам, почему нимало не обороняют фасов, а рвы не параллельны с дефекционными линиями». Кроме недостатков конструктивных, Парокья отметил и недостатки проведенных работ. По его словам, брустверы были сложены непрочно, очень низки и не «дифилированы от высоких мест», так что две трети крепости оставались совершенно открытыми для неприятельских выстрелов.

Еще до приезда Парокья в войске начали составлять особую инженерную команду в количестве 120 человек. Она была поручена зауряд-есаулу Гардонскому. В середине апреля эта команда, под руководством Парокья приступила к очередному ремонту Екатеринодарской крепости. Интересен распорядок рабочего дня, предписанный инженер-полковником в особой инструкции (ГАКК, ф.249, оп.1, д.779, Л.83). Работа начиналась с восходом солнца, завтрак с 8 до 8.30, с 11 часов до 2-х казаки «сабашили» и обедали, в 5 часов начинался полчасовой полдник, а затем работа продолжалась до захода солнца.

Инженерная команда восстанавливала не только крепость, но и кордонные укрепления. В самой крепости работала группа казаков под руководством хорунжего Корогодова. Для них доставляли на волах хворост и колья, употребляемые на изготовление фашинов. Парокья планировал поднять фашинами бруствер на бастионах крепости на 2,5 фута, сделать по одной амбразуре на флангах, дорыть остальные части бруствера.

Итоги 1820 г. нельзя было назвать утешительным. В рапорте на имя генерал-лейтенанта Вельяминова Парокья доносил, что все намеченные работы остались не оконченными. (ГАКК, ф.261, оп. 1, д.38, Л.44). Главную причину этого он усматривал в срыве поставок хвороста Войсковой канцелярией и низкой работоспособностью инженером команды.

Многочисленные и в общем-то справедливые нарекания Парокья в ее адрес, можно свести к следующему: частые, порою массовые побег казаков, самовольные отлучки офицеров, нередко длящиеся месяцами, присылка людей, неспособных по возрасту и здоровью к фортификационным работам. Парокья жаловался, что офицеры при команде «дурнейшего поведения», казаки – «беднейшего состояния» без необходимой одежды и пропитания.

Ни атаман Матвеев, ни члены Войсковой канцелярии ни разу не посетили восстанавливаемые объекты. Надо сказать, что сам организационный подход высшего военного руководства к ремонту укреплений в Черномории, не находит там понимания и поддержки. Войско желало использовать свою старую систему исправления кордонов, а казаками, находящимися на пограничной службе (хотя обороноспособность Черноморской кордонной линии была и без того довольно низким). Да, это действительно обходилось дешевле, но итоги этой кустарной деятельности весьма наглядно отражало печальное состояние кордонов и крепостей. Пройдет три года и Парокья с грустью заметит, что исправление укрепления «может быть бесконечным через худое старание черноморского войска» (ГАКК.ф.261, оп.1,д.38, Л.99).

В феврале 1821 года группа казаков 1-го охотного полка под командованием есаула Сердечного занималась сооружением батарей в Екатеринодарской крепости (ГАКК. ф.249, оп.1, д.734, Л.45). Других ремонтных работ в крепости, в этом и в последующие два года, нами не зафиксировано. Оборонительные сооружения вновь начали разрушаться. Войсковая администрация так и не смогла выделить казаков для их восстановления.

В 1823г. на непригодное состояние крепости обратил внимание генерал-майор М.Т. Власов, походный атаман донских казачьих полков на Кавказе и командующий в войске Черноморской кордонной стражей. 5 июня он написал атаману Матвееву, что в крепости «везде видно: засыпанный и запущенный ров, обвалившийся бруствер, допустивший во всяком месте свободным чрез себя переход пешими и даже едущими людьми» (ГАКК, ф.261, оп.1, д.141, Л.1). Власов заметил, что неприятель везде найдет свободный вход в крепость и потребовал заняться ее исправлением.

Только в ноябре месяце последовал ответ от Черноморской войсковой канцелярии. Она долго объясняла причины подобного запущения и под конец попросила провести ремонт крепости силами рабочей команды Парокья весной 1824 г. Это просьба не получила поддержки Власова. Учитывая, что команда Парокья занималась постройкой кордонных укреплений, он предложил с наступлением весны составить особую команду из пограничных полков.

20 марта 1824 г. Власов приказывает командирам шести пограничных полков направить в Екатеринодар людей, знающих «дернокладчество» и земляные работы (ГАКК. ф.261, оп.1, Д.141, л.9). К 13 апреля собирается

чуть более 50 человек. Они поступают в распоряжение командира 9-го пешего полка есаула Заревского, штаб-квартира которого находилась в Главном Екатеринодарском посту. Непосредственное руководство командой он поручил сотнику Симановскому.

Инженер-подполковник Парокья разрабатывает план реставрации крепости. Он считает, что облицовка дерном брустверов будет бесполезной, учитывая грунт, землю, жару и дожди. Выгоднее будет использовать фашины, как и в 1820 г. Парокья предлагает возвысить фашинами брустверы и ими же прикрыть оружия, стоящие на барбатах.

Интересны выводы Парокьи относительно причин быстрого разрушения крепостных укреплений. Помимо природных и конструктивных, он видит их в безответственном отношении сохранности крепости самих казаков. Люди ходят через ров и вал там, где им вздумается. Крепостная территория используется как пастбище для скота, а караулы не обращают на это внимания. В итоге: «свиньи ходят тут свободно, роют и осыпают крепостные норки».

Недостаток людей и средств вынудит и на этот раз ограничиться полумерами. Парокья было сообщено, что исправление бруствера надо сделать только в тех местах, где свободно проходят не только пешие, но и конные, а во рву убрать обвалившуюся землю. Инженер-подполковник планировал сам руководить ремонтом. Но 14 апреля, в день начала работ, никто из казаков и офицеров не явится и Парокья уехал на кордон, препоручив заниматься исправлением крепости 2-го класса кондуктору Киргынцову.

Подобная практика «подчинок» не давала долговременных положительных результатов. Грустной эпитафией Екатеринодарской крепости является документ от 3 мая 1825 г.: «Хотя в прошлом году здешняя Екатеринодарская крепость и была починена в некоторых поврежденных местах, но в последнее время от продолжавшихся в осень и зиму дождей, снега и другой мокрой погоды по-прежнему начала приходить в разрушение и теперь во многих местах засыпался ров и опустился до такой степени бруствер, что через оной во всяком месте переходят не только люди, но и скот». (ГАКК, ф.261, оп.1, д.141, Л.43).

Эти слова взяты из очередного предписания генерал-майора Власова о ремонте крепости. В течение 1825г. он несколько раз обращался с подобными требованиями к атаману и войсковой канцелярии. Все было напрасно. Полны сарказма слова Власова, обращенные к атаману Матвееву в апреле 1826г.: «...теперь, как я думаю, Вы и сами изволите видеть вал около сей крепости от времени, запустения и небрежности пришел в такое разрушение, что уже не походит на укрепления». (ГАКК, ф.262, оп.1, д.141, Л.54).

Подводя итоги, следует заметить, что четвертьвековая реставрация оборонительных сооружений Екатеринодарской крепости не принесла ощутимых результатов. Это был скорее мелкий косметический ремонт для

сохранения внешней пристойности. Создается впечатление, что чисто оборонительные качества крепости не очень-то волновали войсковую администрацию, а тем более рядовое казачество.

«Скупой платит дважды». Попытки обойтись малыми силами и средствами превращали ремонт крепости в нескончаемый и бесплодный сизифов труд. Сказывается и принудительный характер труда, порождавший небрежность и нежелание работать. Небрежность была на одной чаше весов с низкой квалификацией. Даже некоторые кондукторы, под наблюдением которых велось большинство работ, не имели практического опыта. Об отсутствии инженерных познаний у казачьих офицеров не стоит даже и говорить. Только браком в работе можно объяснить столь быстрое разрушение фашинской кладки.

Понятие о крепости, как долговременном оборонительном сооружении, звучит несколько иронично в контексте вышеизложенного. Думается, что «небрежение» к главной из цитадели войска объясняется не только недостатком людских и материальных ресурсов, определенной беспечностью, но и характером военных действий, потенциальными возможностями мероприятия.

Исправление оборонительных сооружений крепости предпринималось и в последующие годы, пока они не были уничтожены за ненадобностью после окончания Кавказской войны. Долгие годы несрытыми оставался один угловой бастион, на котором стояла подаренная Г.А. Потемкиным Черноморскому войску трехфунтовая пушка, возвещавшая своим выстрелом полдень жителям города Екатеринодара.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб, 1858
2. Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского Ч.П. Одесса, 1836
3. Соловьев В.А. Суворов на Кубани. Краснодар, 1986
4. Соловьев В.А. Екатеринодарская крепость. Краснодар, 1995